

М. Ларюэль

**“ЭТНИЧЕСКИЙ АТЛАС УЗБЕКИСТАНА”
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ
ПОСТСОВЕТСКОЙ УЗБЕКСКОЙ ЭТНОЛОГИИ¹**

Изучение дискурса по поводу нации чрезвычайно много дает для понимания различий в методах легитимации новых государств Центральной Азии и тех научных инструментов, которые они используют для своего политического утверждения. Публикация в 2002 г. Фондом Дж. Сороса “Этнического атласа Узбекистана”, не соответствующего строгим официальным нормам представлений об этничности и привносящего западный, конструктивистский подход к ее пониманию, вызвала ожесточенную полемику. Помимо чисто политических причин недовольства деятельностью Дж. Сороса в постсоветских государствах, для понимания сути разгоревшихся споров необходимо учитывать контекст, в котором развивается узбекская этнология в постсоветский период.

Дискуссия приобрела не только научный, но и политический характер в стране, где интеллектуальная жизнь общества заторможена и научные публикации редки. Этот факт свидетельствует о высоком уровне политизации этнологии, методы и терминология которой по-прежнему основываются на старых советских схемах. Он также дает представление о силе воздействия политической системы, становящейся все более и более жесткой, на развитие науки в Узбекистане, как и в соседних центральноазиатских государствах.

Сегодня в регионе все общественные и гуманитарные науки в той или иной мере политизированы из-за давления власти на академические круги и идеологического господства правящих режимов. Исследования современности неизбежно и естественно оказываются на стыке науки и политики. В Узбекистане изучение современной истории практически запрещено. Антропология и социология внушают недоверие, поскольку они исследуют общественные механизмы, практическая и символическая значимость которых непосредственно задает власть. В условиях отсутствия демократии только подобные исследования могут сделать очевидными такие важные, с политической точки зрения, процессы, как формирование новых социальных групп или углубление пропасти между богатыми и бедными. Власть, ожесточенно преследующая собственные цели, отнюдь не заинтересована в создании объективной картины постсоветского узбекского общества. Поскольку проблемы религии и межэтнических отношений особенно чувствительны, власти исходят из принципа, что сами по себе исследования в этой области могут быть чреваты осложнениями.

Другие научные направления также строго контролируются. Так, археология приобрела исключительное стратегическое значение, поскольку только она может подтвердить или провозгласить древность присутствия узбеков на занимаемой ими сегодня территории и приписать им блестящие земледельческие цивилизации мифических Бактрии и Согдианы. Этнология, наконец, научно обосновывает в традициях советского времени проводимую в стране политику в отношении национальностей. Речь идет о необходимости подвести нерушимую базу под представление о преимущественных правах узбекского народа на одноименное государство (в сравнении с другими национальными группами) и обосновать его этническую, политическую и языковую преемственность. Утверждение вечности не только узбекского народа как такового, но и его национального самосознания, существующего с незапамят-

ных времен, – предмет научного направления, в советское время называвшегося этногенезом. Этот раздел этнологии, разработанный для Центральной Азии в 1940-е годы, поставил во главу угла изучение “этнических процессов”, не подвергая сомнению базовый постулат о необходимости учета данных биологии, наряду с общественными науками, для понимания сути этнических феноменов.

С началом “перестройки” некоторые советские этнологи подвергли критике политизацию дисциплины, которая в значительной мере служила обоснованию политики СССР в сфере национальностей. Однако этот поворот, происшедший в России, не затронул государства Центральной Азии: и сегодня еще этнология не приобрела там статуса самостоятельной научной дисциплины и полностью находится во власти исторического подхода. Терминология также осталась неизменной с советских времен, и сама дисциплина по-прежнему именуется этнографией, в лучшем случае – этнологией (в Узбекистане этот переход произошел в 1998 г.), но никак не антропологией. Отдел этнологии Института истории АН Узбекистана разделен на три подразделения – этнографии, этнической истории и этногенеза. В Институте истории существует ученый совет по защитах диссертаций по специальности “этнография”. В период с 1991 по 2003 г. на нем были защищены 15 кандидатских и две докторские диссертации (последние посвящены проблеме межэтнических отношений в Ферганской долине)². Темы кандидатских диссертаций свидетельствуют о полном отсутствии какого-либо обновления дисциплины: это все те же обрядовая пища, традиции производства тканей, семейная жизнь, воспитание детей, обряды жизненного цикла, женские украшения, жилище или одежда, типичные для того или иного региона³.

Всякие попытки изучения современности практически полностью исключены по причинам как политического, так и материального свойства. Подавляющее большинство работ основано на российских источниках второй половины XIX – начала XX в. Разговоры об обновлении дисциплины и об ее выходе за рамки российско-советской традиции, которая подверглась разоблачениям за ее снисходительность к воззрениям царского режима и идеологическую ангажированность в последующий период, не имеют под собой реальных оснований. Русская этнография позапрошлого и прошлого века и сегодня еще остается основным источником, питающим исследования по этнологии узбеков. Единственное новшество периода независимости касается института махалли⁴: он реабилитирован новым режимом и стал одним из основных инструментов контроля над населением. Махалля не рассматривается больше как пережиток феодализма и патриархальных традиций, но как одна из классических основополагающих структур узбекского общества. Основной проект отдела этнологии посвящен махаллям старого Ташкента⁵. В остальном тематика исследований не претерпела существенных изменений: материальная культура и “этнические процессы” остаются основными объектами изучения узбекской этнологии.

Две определяющих черты советской этнологии сохраняются поныне в Центральной Азии. Во-первых, этнолог изучает обычно свою собственную культуру, в крайнем случае – культуру так называемых традиционных для республики этнических меньшинств, особенно если сам он принадлежит к одному из них. Так, в Институте истории ни один человек не занимается этнологией народов, проживающих за пределами Узбекистана, а два специалиста в области этнических меньшинств – по национальности кореец и татарин – изучают соответствующие этнические группы. Колониальный контекст зарождения этнологии народов Центральной Азии, которая создавалась для удовлетворения потребностей царской администрации и позже – советской власти, равно как ее тесные связи с краеведением, абсолютно не принимаются во внимание и никогда не упоминаются, следствием чего является отсутствие осознания ее этноцентризма. Напротив, русская традиция, по-прежнему влиятельная в Центральной Азии, рассматривает культуру как органическое внутреннее единство. Ее отдельные элементы объединены национальной идеей, проникнуть в суть кото-

рой постороннему не дано. Только узбеки могут изучать узбеков. Это кажется настолько очевидным, что тоже никогда открыто не обсуждается. Таким образом, центральноазиатский этнолог не имеет ни концептуальных инструментов, ни научной легитимности для анализа чуждой ему культуры или даже для организации сравнительных исследований.

Во-вторых, постсоветская узбекская этнология по-прежнему сознательно отказывается от исследований современности. Этнолог рассматривается как историк, посвятивший себя изучению конкретного народа, а цель его работы – как выявление специфических черт данного народа, отличающих его от соседей, и наиболее традиционных элементов его культуры. Не возникает даже вопроса о том, чтобы организовать полевые исследования того влияния, которое оказали на узбекское общество социальные изменения советского периода. Никто не изучает также того, каким образом традиционные кланы встраиваются в современную социально-профессиональную структуру, трансформируя прежние системы солидарности в клиентелистские сети. В отличие от западной антропологии, которая во второй половине XX в. перешла от исследований далеких и экзотических культур к изучению ультрасовременных обществ, ничего подобного не произошло в Узбекистане.

Институт истории АН Узбекистана отказывается видеть, что его этнологическое поле сужается и понемногу заполняется исследованиями, претендующими на статус социологических. Критика социологического подхода в статьях, направленных против “Этнического атласа Узбекистана”, выглядит особенно резкой, если учесть, что социология как научная дисциплина в Узбекистане практически не существует и что отдел социологии в Институте истории был закрыт в 1993 г. Социологическое образование А. Ильхамова выглядит с политической точки зрения подозрительным. К тому же социолог, избирающий в качестве предмета своего изучения национальные проблемы, тем самым как бы вторгается в предметную область этнологии, отличие которой, согласно советской традиции, составляют именно объект и предмет, а не специфические методы исследования⁶. Директор Института истории Д. Алимова утверждает, что “именно Институт истории должен был опубликовать такой атлас”⁷, и считает недопустимым, что Фонд Сороса не только не консультировался с сотрудниками института, но и не представил, как того требовала советская научная традиция, рукопись на отзыв признанным специалистам. Таким образом, руководство подготовкой книги не было доверено ученым, специализирующимся на этнической проблематике, а Институт истории фактически бойкотировали (несмотря на то, что среди авторов были и его сотрудники). В любом случае социологам, как считают руководители узбекской исторической науки, не следовало браться за не свойственные им сюжеты.

Остроту полемики отчасти объясняет сложная ситуация, в которой оказался отдел этнологии. Сотрудникам никак не удается придать динамизм его работе, к тому же исключительно описательный характер диссертаций, защищенных в отделе за годы независимости, вызывает неудовольствие директора института Д. Алимовой, которая прекрасно понимает, что этнология как дисциплина обладает большим теоретическим потенциалом. Однако сегодня, по-видимому, никто не в состоянии продолжить этногенетические исследования выдающегося узбекского этнолога советского периода Карима Шаниязова, после смерти которого фактически не осталось учеников. Таким образом, Институт истории оказался в удивительной ситуации: имея своим предназначением ведение исследований в одном из наиболее сложных, в местных условиях, направлений научной мысли, обладая богатой мыслительной традицией в этой сфере и гордясь этим, испытывая сильное давление со стороны власти, требующей интеллектуального обоснования собственной легитимности, он оказывается не в состоянии ответить на этот запрос. В этом контексте вмешательство социолога, под-

держанного западными структурами, не может быть воспринято иначе как посягательство на интеллектуальную и дисциплинарную собственность.

Описанная ситуация является прямым следствием советского понимания этногенеза как объективной характеристики нации. Как отмечает Э. Жесса-Анстет, советская этнография «была “наукой”, которая создала сложные теоретические построения, практически не заботясь об осмыслении собственных методов и практик»⁸. Узбекская постсоветская этнология, судя по всему, не намерена ничего менять в своей деятельности, что объясняет неприятие “Этнического атласа”. Сыграли свою роль и такие факторы, как участие в его подготовке американского фонда, имеющего к тому же репутацию “ангажированного”, тогда как традиция требует, чтобы узбеков изучали сами узбеки; и западный, конструктивистский взгляд на этнические проблемы, противоречащий традиционно примордиалистскому советскому видению; и утверждение права социологии – дисциплины, воспринимаемой как политически опасная, – конкурировать с этнологией в анализе “национального” вопроса. Тем самым “Этнический атлас Узбекистана” невольно высветил проблемы узбекской этнологии, которая, похоже, испытывает большие трудности с обновлением своих теоретических подходов и с поиском своего места в новом обществе эпохи независимости. По-прежнему не желая расстаться с советским методологическим наследием, узбекская этнология оказывается не в состоянии ответить на запросы власти. В то же время попытки его переосмыслить направлены не на осуждение или же отрицание бесспорных достижений советской этнологии, но на их обогащение новыми теориями и подходами.

Примечания

¹ Эта публикация представляет собой сокращенный вариант статьи: *Laruelle M. Continuité des élites intellectuelles, continuité des problématiques identitaires. Ethnologie et “ethnogenèse” a l’Académie des Sciences d’Ouzbékistan // Cahiers d’Asie centrale. 2004. № 13–14.*

² Подробнее см.: *Дониеров А. Некоторые аспекты развития этнографических исследований в независимом Узбекистане // Общественные науки в Узбекистане. 2001. № 1. С. 50–56.*

³ Автор выражает признательность Институту истории АН Узбекистана и лично его директору Д. Алимовой за предоставленную возможность ознакомиться со списком тем диссертаций, защищенных после 1991 г.

⁴ Махалля – община, квартал, институт местного самоуправления.

⁵ Список публикаций на эту тему см.: *Арифханова З. Изучение проблем этнографии в Институте истории АН РУ // O’zbekiston tarihi. 2003. № 4. С. 62.*

⁶ По этому вопросу см.: *Bertrand F. L’anthropologie soviétique des années 20–30. Configuration d’une rupture. Bordeaux, 2002; Bertrand F. Une science sans objet? L’ethnographie soviétique des années 20–30 et les enjeux de la catégorisation ethnique // Cahiers du monde russe. 2003. № 1. P. 93–110.*

⁷ Интервью с Д. Алимовой (Ташкент, 19 февраля 2004 г.). См. также: *Алимова Д., Арифханова З., Камолитдин Ш. Каким не должен быть этнический атлас Узбекистана // O’zbekiston tarihi. 2004. № 1.*

⁸ *Gessat-Anstett E. Les mots/maux de l’etnografia: à propos d’une discipline et de ses attendus, l’ethnologie russe post-soviétique. Parcours de l’ethnologie dans le monde post-soviétique // Jour. des anthropologues. 2001. № 87. P. 70.*

Перевод с французского Е.И. Филипповой